

ЗЕРКАЛО
ДАЛЛЕСА

АРТУР КЕНДАЛЛ

18+

Артур Кендалл
Зеркало Даллеса

«Автор»

2026

Кендалл А.

Зеркало Даллеса / А. Кендалл — «Автор», 2026

В 1978 году в горах Колорадо беременную Марту Вэнс похищают и заставляют признать, что её муж — опасный сектант. Суд верит экспертам, а не жертвам, и у семьи отнимают ребёнка. Спустя десятилетия Джулиан Вэнс находит старую магнитную запись с голосом Марты и архивную папку с кодовым названием «Зеркало». Теперь он понимает: трагедия его семьи была не случайностью, а частью операции, которая учила государства отнимать у людей свободу под видом спасения.

© Кендалл А., 2026

© Автор, 2026

Артур Кендалл Зеркало Даллеса

Настоящее издание является художественным произведением. Персонажи, диалоги, сюжетные линии, организации, события и обстоятельства, описанные в книге, созданы в рамках авторского художественного замысла. Произведение не является документальным исследованием, журналистским расследованием или утверждением о фактах в отношении конкретных лиц, организаций либо событий. Любые возможные совпадения с реальными лицами, организациями, названиями, общественными спорами, судебными делами или иными обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными. Реплики, мнения и оценки персонажей относятся к художественному повествованию и не выражают позицию автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Пролог

Февральский дождь превращал гравий служебной стоянки в Нантере в серую кашу. Вода текла по желобам бетонного цоколя местного подразделения судебной полиции, затекала под вентиляционные решётки. С улицы тянуло сыростью и дизельной гарью. На минус втором этаже, где гудели трансформаторы резервного питания, люминесцентные лампы дрожали желтоватым светом.

На металлическом столе для вещественных доказательств стояли три открытых ящика из плотного картона с синими штампами Парижского суда. Рядом лежал катушечный магнитофон Uher 4000 Report Monitor в потрёпанном кожаном чехле и связка регистрационных журналов в брезентовых переплётках.

Капитан Клер Ренар не стала снимать форменный плащ. Она подошла к столу, стряхнула капли с рукава и положила ладонь на угол верхней коробки, словно придерживая стопку папок от сквозняка.

— Сербская бригада маляров была только ширмой, месье Вэнс, — сказала она, глядя прямо перед собой. Голос звучал глухо, с той шершавой монотонностью, которая остаётся у следователей после шести суток почти непрерывной работы над протоколами. — Те двадцать два человека, которых мы взяли по делу ложи «Атанор», не состояли на жалованье у белградских националистов. И в российском посольстве на бульваре Ланн денег они тоже не получали напрямую.

Джулиан Вэнс стоял у противоположного края стола, не разжимая пальцев в карманах пальто. На коробках от руки было выведено чернилами: «DCRG / Dossier Beaulieu / Saisies provisoires». Имя Даниэля Больё, бывшего старшего инспектора французской разведки по контролю за нетрадиционными культурами, вторые сутки не сходило с полос Le Monde и Le Figaro. Его задержали в загородном доме под Версалем, где при обыске в подвале обнаружили арсенал автоматического оружия, фальшивые удостоверения офицеров жандармерии и досье наружного наблюдения на семнадцать парижских юристов и предпринимателей.

— Больё дал первые признательные показания сегодня в половине пятого утра, — продолжила Ренар, выдвигая тяжёлый табурет. Ножка со скрежетом прочертила полосу по крашеному полу. — Он утверждает, что всю логистику слежки за Мари-Элен Дини и заказ на её устранение формировали внутри структуры, официально консультировавшей министерство внутренних дел. Люди, готовившие для прессы списки опасных духовных групп, передавали ему адреса, номера машин и график перемещения объектов. Для него это была та же самая работа, которую он вёл в ведомстве с девяностых годов.

Она протянула руку к магнитофону, нажала широкую клавишу воспроизведения. Резиновый пассик натужно взвизгнул, правая катушка медленно тронулась с места. Из маленького динамика полился сухой шорох магнитной дорожки, перемежаемый глухими стуками и сви-

стом горного ветра за деревянными стенами. Затем раздался хриплый мужской голос с тягучим произношением выходца с американского Юга:

«...Октябрь семьдесят восьмого года. Высота восемь тысяч футов, сектор Недерленд. Пациентка Марта Вэнс продолжает отрицать факт внешнего внушения при вступлении в брак. Применены принудительная депривация сна сорок восемь часов и непрерывный стробоскопический свет. Изъято восемнадцать единиц печатных материалов объявленных “контркультурными”, включая издания Стивена Кинга и восточные трактаты по дыханию. Заказчик операции Артур Вэнс подтвердил готовность финансировать следующий этап изоляции...»

Джулиан замер, слушая, как за треском старой плёнки проступает второй звук. За спиной говорившего кто-то негромко, отрывисто отдавал команды на чистом русском языке, без тени акцента: «Генератор на вторую дорожку переключите. И замеряйте пульс при повторении имени отца. Нам нужна чистая реакция страха, а не истощение».

— Эту бобину оперативники нашли в сейфе Больё среди документов парижского отделения европейской антикультуровой федерации, — произнесла Ренар, щёлкнув кнопкой паузы. Катушка резко остановилась. — Там же лежали оригиналы инструкций по нанесению меток на синагоги в двадцатом округе и доставке свиных туш к парижским мечетям перед весенними выборами. Скажите, почему протокол принудительного допроса вашей бабушки в штате Колорадо хранился рядом с оперативными планами современных провокаций на улицах Парижа?

Джулиан медленно вынул руку из кармана и коснулся картонного корешка папки, лежавшей на самом дне открытого ящика. Бумага пожелтела от времени, углы обтрепались, но в центре титульного листа отчетливо читался фиолетовый оттиск прямоугольного штампа: «5-е Управление КГБ СССР. Отдел 4. Материалы специальной программы “Зеркало”. Учетный номер 14/78».

— Потому что моего деда и бабу не спасали от секты, капитан, — ответил Джулиан, разглядывая четкие строчки машинописи на бланке советского спецхрана. — Их заперли на заброшенной лесопилке ради калибровки методики. Спецслужбам требовалось доказать, что нормального человека можно объявить душевнобольным сектантом по заявлению собственных родителей, лишит прав через купленного судью и заставить общество рукоплескать насилию.

Ренар поднялась, подошла к окну, выходившему в узкий бетонированный двор. Сверху доносился глухой гул утреннего транспортного потока.

— Больё передал прокуратуре список из тринадцати фамилий, — сказала она, не оборачиваясь. — Это люди, которых ведут по той же схеме прямо сейчас. Среди них два советника Европейской комиссии, судья уголовной палаты из Брюсселя и редактор франкфуртской газеты. Все они числятся клиентами частных центров психологической реабилитации. Их семьи уверены, что спасают близких от деструктивного влияния.

Она повернулась к Джулиану, достала из папки несколько фотоснимков формата десять на пятнадцать и разложила их веером на полированном металле. На зернистых кадрах, сделанных через мокрое лобовое стекло чужого автомобиля, Джулиан выходил из бокового подъезда Европейского парламента в Страсбурге. На другом снимке он сидел в кафе на площади Клебер рядом с рижским корреспондентом Карлисом Озолсом.

— За вами шли от самого Брюсселя, месье Вэнс. И люди, которые вели съемку, пользовались пропусками французского межминистерского комитета по противодействию сектам. Они знали расписание ваших закрытых консультаций с Венецианской комиссией раньше, чем вы сами сажались в поезд.

Джулиан открыл внутренний карман пальто, достал плотный конверт из крафтовой бумаги и извлёк на свет копию директивы Председателя КГБ СССР, датированную маем 1973 года. Документ санкционировал выделение валютных средств на формирование закрытых исследовательских групп в США и Западной Европе под прикрытием родительских ассо-

циаций по борьбе с новыми культами. Он положил пожелтевший машинописный лист поверх фотографий наружного наблюдения.

— Этой конструкции больше пятидесяти лет, капитан, — произнёс Джулиан, глядя на ровные строки подписей советских кураторов. — Она строилась не ради защиты семей и не ради религии. Цель состояла в том, чтобы научить свободное общество требовать для себя наручников каждый раз, когда кто-то осмеливается думать не так, как предписано государственной нормой.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь размеренным гулом вытяжки. Ренар посмотрела на штамп советского архива, затем на магнитофон, где застыла коричневая лента с голосом из Скалистых гор, и медленно кивнула, пододвигая к Джулиану бланк протокола совместного процессуального действия.

Глава 1. Семейный алтарь в Боулдере

Запах свежеструганного кедра перебивал пыльный дух старой штукатурки. В пустом торговом зале на первом этаже двухэтажного каркасного дома на окраине Боулдера гулял сквозняк, хлопая брезентовой шторой на заднем дворе. По наклонному дощатому полу, покрытому серым линолеумом с бурыми проплешинами, тянулись длинные тени от оконных рам. За пыльными стеклами виднелись темные зубцы Флэтайронс — песчаниковых скал, рассекавших октябрьское небо над предгорьями.

Дэвид Вэнс опустился на колени возле штабеля сосновых брусьев, прилаживая угольник к будущей нижней полке стеллажа. Свинцовый карандаш оставил на светлом дереве четкую косую риску. Руки у него были шершавыми, со сбитыми костяшками — наследие пяти лет работы на отцовских стройках в Колорадо-Спрингс, где каждый гвоздь забивался под мерный ропот дизель-генераторов и цитаты из Книги Притчей.

— Если сдвинуть секцию поэзии ближе к витрине, свет из эркера будет падать прямо на развороты, — Марта опустила на верстак картонную коробку с консервными банками и жестяными банками с чаем. Дно коробки глухо стукнуло о массивную дубовую крышку. — А мешки с фасолью и овсом уберем к дальней стене, подальше от радиатора.

Марта провела ладонью по животу под свободным фланелевым сарафаном. Четвертый месяц беременности еще не мешал ей двигаться, но в жестах уже появилась та сдержанная медлительность, которая заставляла ее то и дело опираться о косяки или подолгу стоять у окна, разглядывая пустую гравийную дорогу. Волосы ее, стянутые на затылке полотняной лентой, были слегка растрепаны после долгого дня на кооперативном складе, который они обустроили вторую неделю.

Дэвид поднял голову, придерживая брус коленом:

— Отец вчера снова звонил пастору в методистскую миссию на 28-й улице. Спрашивал, не появлялся ли здесь блудный сын с последователями коммуны.

— Он не успокоится, пока не увидит нас на коленях в молитвенном доме на Шайенн-Маунтин, — Марта достала из коробки толстую пачку брошюр в бумажных обложках. На верхней значилось эссе Генри Дэвида Торо «О гражданском неповиновении». — Для твоего отца любой, кто покупает книги не в церковной лавке и не голосует за кандидатов баптистской общины в школьный совет, уже продал душу дьяволу.

— Дело не в дьяволе, — Дэвид ввинтил первый латунный шуруп, слушая, как взвизгнула отвертка в твердом древесном волокне. — Дело в контроле. На стройплощадках он проверял даже маркировку на мешках с цементом. Стоило бригадиру заказать арматуру не у его кузена, Артур увольнял человека в тот же вечер, перед строем, зачитывая стих о неверном управителе. Он искренне считает, что этот дом, этот ребенок и наши легкие принадлежат его семейному фонду.

С улицы донесся сухой шелест покрывшек по гравию. Старый почтовый пикап притормозил у почтового ящика, водитель с грохотом захлопнул жестяную дверцу, и машина пока-

тила дальше в сторону университетского кампуса. В лавке «Свободный лист» пока не было вывески — только лист упаковочной бумаги, приколотый кнопками к входной двери, извещал о скором открытии кооператива независимой литературы и натуральных продуктов. На полках уже стояли вперемежку сборники стихов битников, руководства по органическому земледелию Родейла, трактаты по восточной гимнастике и романы Стивена Кинга в ярких глянцевах суперобложках.

Марта подошла к мужу, положила прохладную ладонь ему на плечо. Под плотной фланелевой рубашкой перекачивались тугие мышцы.

— Мы никому ничего не должны, Дэвид. Ни баптистской общине, ни строительному комитету округа Эль-Пасо. У нас есть договор аренды на три года и три тысячи долларов, которые остались от наследства моей тетки. Здесь мы начнем все сначала.

В окне отражалось низкое солнце, окрашивающее сосновые доски в цвет сырого меда. Мир казался неподвижным, почти безопасным, застывшим в прозрачном горном воздухе Колорадо.

В зале ожидания международного аэропорта Стэплтон в Денвере стоял привычный для крупного транспортного узла шум: объявления по громкой связи, грохот багажных тележек, обрывки разговоров и звон посуды из ресторанной зоны. Гул взлетающих «Боингов-727» сотрясал массивные панорамные окна ресторана «Красный клевер», где за угловым столиком из темного пластика сидели двое мужчин.

Артур Вэнс не снял темное драповое пальто, несмотря на духоту в помещении. Строительный подрядчик из Колорадо-Спрингс, привыкший к безоговорочному послушанию сотен рабочих и трепетному уважению паствы в баптистском соборе, выглядел так, словно нес на своих плечах тяжесть ветхозаветного суда. Его широкое, обветренное лицо с глубокими бороздами у рта хранило печать непреклонного, почти окаменевшего упорства. Перед ним стояла чашка остывшего черного кофе, к которой он ни разу не прикоснулся.

Человек напротив него, плотный чернокожий мужчина в идеально отглаженном синем костюме-тройке и широком шелковом галстуке, неторопливо разрезал ножом пережаренный бифштекс. Тед Патрик ел методично, без суеты, поглядывая на Артура тяжелыми, немигающими глазами человека, привыкшего часами ломать чужую волю в запертых комнатах мотелей.

— Вы говорите о сыне так, будто он просто капризничает, мистер Вэнс, — Патрик отложил приборы, промокнул губы бумажной салфеткой и откинулся на спинку дермантинового дивана. — Это фундаментальная ошибка большинства благочестивых родителей. Вы думаете, парень просто увлекся книгами и девчонкой с длинными волосами. Но симптомы, которые вы описали в своем письме, — это классическая картина тотального перерождения личности. Внезапный отказ от семейного дела, отказ от истинной веры, уход в замкнутую коммуну, вегетарианство, чтение оккультной макулатуры. Его сознание захвачено.

— Дэвид с малых лет знал Писание наизусть, — голос Артура звучал глухо, с рокочущими обертонами церковного викария. Пальцы строителя, униженные тяжелым золотым перстнем с печаткой строительной гильдии, крепко стиснули край стола. — Он работал со мной рука об руку на возведении кварталов в Маниту-Спрингс. А три месяца назад эта женщина внушила ему, что наш труд — это грех стяжательства. Они сбежали тайком, ночью, словно воры. Мой единственный наследник живет среди хиппи и торгует бумажным мусором на деньги отступников.

Патрик полез в кожаный «дипломат», стоявший у его ног, и извлек оттуда тонкую картонную папку. На обложке типографским способом было написано название организации: «Citizens Freedom Foundation». Внутри лежали машинописные отчеты на бланках с синими печатями и несколько гляцевых брошюр с пугающими заголовками: «Психозы контркультуры: разрушение американской семьи» и «Анатомия молодежного бунта как форма сатанинского подчинения».

— Взгляните сюда, — Патрик постучал толстым указательным пальцем по странице с графиками изменения частоты пульса у адептов нетрадиционных учений. — Мы в Калифорнии и Нью-Йорке документируем это годами. Человек перестает быть собой за считанные недели. Теряется критическое мышление, наступает состояние транса. Если не вмешаться сейчас, через полгода ваш внук родится в секте, где младенцев используют для ритуальных посвящений или просто отдают на воспитание коммуне. Они уже не люди в привычном смысле слова. Это пустые оболочки, которыми крутят ловкие кукловоды.

Артур взял брошюру. На развороте темнела зернистая черно-белая фотография: пустые глаза молодой девушки с всклокоченными волосами, найденной полицией в коммуне под Сан-Диего. Под снимком стояла подпись: «Необратимый регресс когнитивных функций в результате внешнего внушения».

— Закон бессилён, — произнес Артур, вглядываясь в строки. — Шериф округа Боулдер сказал мне, что Дэвид совершеннолетний. Что они с Мартой зарегистрировали брак в ратуше и имеют право снимать любое жилье, пока платят налоги. Судья даже не стал слушать мое заявление о помещении сына под опеку.

— Закон защищает тело, мистер Вэнс, но закон слеп к гибели души, — сухо усмехнулся Патрик. В его усмешке не было теплоты — лишь уверенность лицензированного хищника. — Полиция вмешается только тогда, когда будет поздно. Мой метод — это скорая духовная помощь. Хирургическая операция. Мы изымаем объект из заразной среды, изолируем и держим под непрерывным воздействием, пока не треснет внушенная надстройка. Двадцать четыре часа в сутки. Никакого сна, никакого контакта с внешним миром, постоянный свет и разбор каждого заблуждения, строчка за строчкой. Я лично заглядываю им в глаза и вышибаю чужую грязь из башки.

— Сколько? — Артур поднял взгляд. В глазах подрядчика блеснул жесткий огонь человека, привыкшего оплачивать сметы любой сложности, если они гарантировали нужный результат.

— Десять тысяч долларов, — без колебаний ответил Патрик. — Наличными, пятидесяти- и стодолларовыми купюрами. Половина — аванс прямо сейчас, за подготовку группы захвата и аренду конспиративной точки. Вторая половина — после того, как ваш мальчик обнимет вас на коленях и добровольно подпишет отказ от общения со своей пассией.

Сумма была огромной — за эти деньги в предгорьях Колорадо можно было приобрести приличный участок земли под застройку. Но Артур даже не моргнул.

— Мне нужны гарантии, что они не сбегут и что Марта не пострадает физически. Она носит ребенка, в котором течет моя кровь.

— Мои парни знают свое дело, — Патрик застегнул «дипломат», щелкнув никелированными замками. — Мы используем закрытые фургоны без опознавательных знаков. Ребята — бывшие морпехи, тренированные вязать без единого синяка. У нас есть база в горах близ Эстес-Парка — старая законсервированная лесопилка в тупике лесной дороги. Ни один шериф туда не доберется, даже если получит ордер. Пять дней полной тишины. Вы сами будете присутствовать при завершении процесса. Когда я закончу, они оба поблагодарят вас за спасение их жизней.

Артур опустил руку во внутренний карман драпового пальто и извлек тяжелый конверт из плотной коричневой бумаги, перетянутый двумя резинками. Конверт лег на столик рядом с недоеденным бифштексом.

Патрик даже не стал пересчитывать банкноты. Он сжал пачку пальцами, оценивая толщину на ощупь, и удовлетворенно кивнул, убирая деньги в портфель.

— Нам понадобятся их точные маршруты, — сказал депрограммист, поднимаясь из-за стола. — Где покупают продукты, когда открывают лавку, на какой машине передвигаются. Мои люди начнут слежку завтра утром.

— Пикап «Форд» F-100, зеленый с белым капотом, номерной знак штата Колорадо, — монотонно произнес Артур. — По пятницам они ездят за сыром и медом на фермерский рынок за Недерлендом. Возвращаются всегда до заката по сто девятнадцатой трассе.

— Прекрасно, — Патрик натянул кожаные перчатки. — Сто девятнадцатая — идеальное место. Там нет связи, крутые повороты и глухие обрывы. Готовьте вторую часть суммы, мистер Вэнс. Скоро ваша семья снова станет праведной.

Шоссе номер 36 в два часа ночи тонуло в чернильной тьме. Асфальтовое полотно, петляя между пологими холмами, поднималось от Денвера к Боулдеру под низкими, набрякшими снегом тучами. Тяжелый черный «Бьюик Электра» Артура Вэнса шел ровно, шурша шипованной резиной по сухому насту на обочинах. Фары выхватывали из темноты редкие дорожные знаки, сухие стебли ковыля и остовы старых рекламных щитов, призывавших покаяться или вложиться в земельные паи.

В салоне автомобиля стояла ледяная тишина. Артур выключил печку, словно наказывая себя за минутную слабость, за то, что позволил черным мыслям коснуться разума. На соседнем сиденье лежала массивная книга в переплете из тисненой воловьей кожи с латунными застежками — фамильная Библия семьи Вэнс, по которой его дед учил грамоте шахтеров в Кентукки, а сам Артур давал присягу при вступлении в попечительский совет баптистской конвенции.

Свернув на грунтовую дорогу, ведущую к северной окраине Боулдера, Артур заглушил двигатель за двести ярдов до дома молодых, не доезжая до перекрестка. Машина медленно прокатилась накатом и замерла в тени густых можжевельных кустов.

В двухэтажном каркасном доме царила полная тьма. Ни в мансарде, где находилась спальня Дэвида и Марты, ни на первом этаже, где угадывались темные контуры книжных полок, не горело ни единого огонька. Только слабая лунная полоска, пробившаяся сквозь разрыв в облаках, тускло блестела на новеньком стекле входной двери.

Артур вышел из машины, не хлопая дверцей, лишь прикрыв ее до первого щелчка замка. Морозный горный воздух немедленно обжег легкие, а над вершинами уже сгустились тяжелые тучи, предвещающая скорую бурю. Под подошвами тяжелых рабочих ботинок тихо похрустывал гравий.

В руках подрядчик держал Библию.

Тяжелые шаги гудели в тишине сонной улицы. Артур подошел к невысокому деревянному крыльцу, сложенному сыном из неструганных сосновых плах. На ступеньках еще виднелась свежая стружка, пахнувшая смолой. Возле перил стоял глиняный горшок с увядшей геранью — Марта пыталась украсить вход в кооператив, наивно полагая, что этот мир можно перестроить с помощью цветов и вежливых улыбок.

Остановившись на первой ступени, Артур открыл медную застежку книги.

Белые страницы слабо фосфоресцировали в темноте. Острый край строительного ножа с выдвижным лезвием, которым Артур орудовал сорок минут назад на стоянке у заправки в Брумфилде, оставил идеально ровные чистые срезы у самого корешка.

Раздел Нового Завета зиял глубокой, неестественной пустотой.

Там больше не было ни Нагорной проповеди, ни Первого послания Иоанна о любви, изгоняющей страх, ни Послания Павла к галатам о свободе, к которой призван каждый верующий. Остались только грозные пророчества Исаии о сокрушении непокорных, законы Левита о скверне и ветхозаветные проклятия на головы детей, послушавшихся воли своих отцов. Свобода воли человека, которую Дэвид посмел провозгласить своим правом, была аккуратно вырезана из священного текста стальным лезвием и развеяна по ветру на пустыре у денверской эстакады.

— Ты вернешься в дом своего отца, — одними губами прошептал Артур, глядя на темные окна спальни второго этажа. — Даже если мне придется сломать каждую кость в твоём теле, чтобы спасти твою душу от огня неугасимого.

Артур опустился на одно колено и положил изувеченную книгу прямо на порог, перед самой дверью, так, чтобы утром первый же шаг переступившего через порог пришелся на черную воловью кожу. Латунные застежки тускло блеснули, когда он поднялся во весь рост.

Порыв ветра, налетевший с вершин Флэтайронс, взметнул с крыльца сухие сосновые иглы. Они зашуршали по бумажным краям срезов, оседая между уцелевшими страницами Книги Судей.

Артур Вэнс развернулся и, не оглядываясь, зашагал сквозь темноту к ожидавшей его машине. Впереди, за темными предгорьями, занимался холодный, пепельно-серый рассвет нового дня, в котором для лавки на окраине Боулдера уже был запущен безжалостный обратный отсчет.

Глава 2. Засада в Боулдерском каньоне

Подвеска старого «Форда» натужно взвизгивала на каждом изгибе сто девятнадцатой трассы. Вдоль узкого полотна дороги, зажато между отвесной стеной серого гнейса и каменным обрывом к руслу Боулдер-Крик, стелился сырой сумеречный туман. Тринадцатого октября темнота в каньоне падала стремительно, словно заслонка: едва диск солнца скрывался за горными гребнями к западу от Недерленда, холодный воздух с гор выдувал остатки дневного тепла из ущелья.

В кузове пикапа глухо перекачивались тяжелые деревянные ящики. За день на фермерской ярмарке удалось заполнить кузов до краев: круги соленого козьего сыра, переложенные воощеной бумагой, двенадцать жестяных бидонов с диким клеверным медом и мешки с ячменем, пахнущие сухой овсяной пылью.

На пассажирском сиденье Марта куталась в шерстяной плед, прижимая локти к бокам. Утреннее зрелище изувеченной Библии на ступенях лавки до сих пор стояло у нее перед глазами, лишая покоя. Отрезанные страницы, оставленные отцом Дэвида, напоминали не предупреждение, а судебный приговор, вынесенный без права на обжалование.

— Печка снова гонит гарь, — Марта потерла озябшие пальцы, поправляя воротник куртки. — Нужно будет проверить патрубок, пока не ударили настоящие заморозки.

Дэвид не ответил, лишь крепче сжал бакелитовый обод руля. Взгляд его неотрывно скользил по зеркалу заднего вида, где дрожало мутное отражение полосы асфальта.

— Нас ведут от самой развилки на Уорд, — произнес он наконец, переключая передачу на пониженную перед крутой шпилькой серпантина. Мотор взревел на высоких оборотах, отдаваясь мелкой вибрацией в педаль сцепления. — Тот коричневый фургон с тонированными стеклами. Он держался позади на ярмарочной площади, а на выезде пропустил вперед второй — белый «Эконолайн» без номеров на переднем бампере.

Марта повернулась, пытаясь разглядеть сквозь запыленное заднее стекло огни преследователей.

— Может, просто лесорубы возвращаются на базу в Лайонс?

— Лесорубы не держат дистанцию в пятьдесят ярдов на спуске с уклоном в восемь процентов, — Дэвид бросил короткий взгляд на приборный щиток. Стрелка спидометра колебалась у отметки в тридцать миль в час. Быстрее на этом участке ехать было равносильно самоубийству: за гравийной обочиной зияла двадцатиметровая пропасть, усеянная острыми валунами.

На повороте, прозванном местными «Подковой мертвеца», дорога сужалась до одной полосы из-за осыпавшегося весной скального карниза. Белый микроавтобус Ford Econoline, шедший впереди на полмили, внезапно возник из темноты за скальным выступом. Машина стояла поперек проезжей части с выключенными габаритами, перекрывая выезд на ровный прямой отрезок.

Тормозные колодки пикапа истошно взвизгнули, выбрасывая в воздух едкий запах палевого асбеста. Дэвид выжал педаль в пол, уводя руль вправо, чтобы погасить инерцию о насыпь

щепня. Бампер «Форда» с глухим скрежетом пропахал гравийную бровку в футах от бетонного отбойника.

В ту же секунду пикап содрогнулся от мощного удара сзади.

Коричневый фургон, набравший скорость на прямом спуске, врезался в кузов пикапа с тупым сокрушительным грохотом. Мешки с зерном взлетели на воздух, бидоны с медом сорвало со строп, разбив заднее стекло кабины дождем мелких зеленых осколков. Голову Марты резко мотнуло назад, плед соскользнул на пол, открывая побелевшее от боли лицо.

— Сиди внутри! — крикнул Дэвид, пытаясь нащупать под сиденьем тяжелый колесный ключ из кованой стали. Пальцы сомкнулись на холодном шестиграннике.

Двери фургонов распахнулись синхронно, с выверенной механической слаженностью армейского десанта. Четверо мужчин в темных ветровках и шерстяных лыжных шапках, надвинутых до самых бровей, окружили пикап прежде, чем осел пылевой шлейф от торможения. В руках у двоих поблескивали толстые полосы черной формованной резины — короткие полицейские дубинки с утяжеленными свинцом наконечниками.

Боковое стекло со стороны водителя разлетелось внутрь от удара стального ломика. В салон хлынул морозный воздух вперемешку с едкой серной гарью: нападавший в брезентовых перчатках с размаху вдавил клапан небольшого алюминиевого баллона прямо в лицо Дэвиду.

Плотная белесая струя газа CS заполнила тесную кабину за доли секунды.

Легкие сжало спазмом такой силы, будто в горло плеснули кипящей щелочью. Глаза мгновенно застлало огненной пеленой, слезы хлынули ручьем, ослепляя и лишая способности ориентироваться. Дэвид захлебнулся собственным кашлем, попытался выбросить руку с ключом вперед, в пустоту оконного проема, но удар дубинки по предплечью выбил металл из онемевших пальцев.

— Вытаскивай щенка! — раздался резкий, хриплый окрик снаружи. — Ноги вяжи, живо!

Дверь пикапа распахнули снаружи рывком, сорвав внутренний замок. Сильные руки ухватили Дэвида за куртку, выволокли из салона и швырнули лицом в ледяную гравийную крошку. Удар тяжелого ботинка под ребра выбил остатки воздуха из диафрагмы. Кто-то наступил коленом ему на поясницу, вдавливая щеку в острые камни, пока второй номер группы захвата с глухим треском затягивал на его запястьях за спиной широкую полосу белой пластиковой стяжки.

Зазубренный нейлон врезался в кожу до крови, нарушая кровообращение в кистях.

С противоположной стороны пикапа донесся отчаянный, надрывный крик Марты:

— Пустите! Я беременна, слышите вы, ублюдки?! Пустите!

Дэвид рванулся всем телом, пытаясь сбросить сидевшего на нем мужчину, но второй удар дубинкой пришелся точно по широчайшей мышце спины, пригвоздив его к земле обжигающей волной парализующей боли.

Сквозь мутную пелену слез и химического ожога он успел увидеть, как двое наемников вытаскивают Марту на дорогу. Ее руки были заломлены назад и схвачены такими же строительными хомутами. Один из похитителей, коренастый мужчина с армейской выправкой, грубо зажал ей рот широким куском серого армированного скотча, не обращая внимания на попытки женщины укусить его сквозь брезент. Марту, бывшуюся в их захвате, поволокли к распахнутым задним дверям белого микроавтобуса.

— Грузите девку в первый! — скомандовал тот же голос. — Патрик сказал везти раздельно. Никаких контактов до конечной точки!

Дэвида подняли за воротник, словно куль с тряпьем, и втолкнули в темное нутро коричневого фургона. Пол внутри был застелен грязным армейским брезентом. Железные двери захлопнулись с гулким лязгом тюремного засова. Двигатель взревел, и машина сорвалась с места, закладывая крутой вираж на выезде из каньона.

На северной окраине Боулдера, у выезда на шоссе № 36, стоял патрульный седан Plymouth Fury с золотистой звездой шерифского департамента на дверце. На крыше автомобиля медленно вращался один янтарный маяк, выхватывая из темноты сухие метелки сорняков и деревянный щит указателя.

Помощник шерифа Рой Кэллахан сидел за рулем, приоткрыв форточку. В остывающем воздухе медленно таял сизый дым ментоловой сигареты. На пассажирском сиденье рядом с ним лежал раскрытый блокнот с записями вызовов и литровая металлическая термокружка с недопитым черным кофе.

Фары двух микроавтобусов, шедших в плотной сцепке на предельной для горных дорог скорости, ударили в зеркало заднего вида служебной машины. Колонна пронеслась мимо патрульного автомобиля, подняв вихрь пыли и мелких сосновых игл, даже не притормозив на повороте. Задние амортизаторы белого «Эконолайна» просели под тяжестью груза, а на заднем бампере болтался оторванный край транспортировочного троса.

Кэллахан медленно опустил сигарету в пепельницу, зажав тлеющий фильтр между пальцами.

Рука помощника шерифа машинально потянулась к микрофону радиостанции Motorola, закрепленному на приборной панели. Внутри рации зашипел статический шум дежурного эфира. Он мог объявить перехват за тридцать секунд: дальше по дороге к Лайонсу дежурил второй экипаж с переносными шиповыми ограждениями, готовый перекрыть шоссе.

Вместо этого перед глазами Кэллахана встало лицо Артура Вэнса — тяжелое, с глубокими складками у ноздрей и непоколебимым взглядом человека, который финансировал постройку нового тира для окружной полиции и ежегодно вносил половину избирательного фонда шерифа. Утренний разговор в конторе подрядчика за чашкой цикория был предельно кратким.

«Мой мальчик потерял рассудок, Рой, — произнес тогда Артур, не повышая голоса и глядя сквозь жалюзи на стройку торгового центра. — Его опаивают восточной дрянью и держат в плену коммунистические агитаторы. Сегодня вечером мы возвращаем его в лоно семьи. Будут задействованы лицензированные психологи из Калифорнии на частном транспорте. Если поступят жалобы на шум или маневры на трассе — это сугубо внутреннее дело семьи Вэнс. Шериф в курсе. Городу не нужны скандалы вокруг благочестивых фамилий».

Помощник шерифа снял ногу с педали тормоза. Пальцы отпустили тангенту радиостанции, оставив эфир без единого щелчка.

Включив левый указатель поворота, Кэллахан выкрутил тяжелый руль патрульной машины, разворачивая «Плимут» через сплошную полосу разметки. Автомобиль плавно покатил в противоположную сторону — вниз, к залитым неоновым светом заправок станциям Боулдера, оставив шоссе на растерзание надвигающейся метели.

Запах прелой сосновой коры ударил в нос, когда задние двери коричневого фургона распахнулись в морозную пустоту. Машина остановилась в глубоком тупиковом ущелье в пяти милях к северу от Эстес-Парка, где среди гранитных утесов чернели остовы заброшенной лесопилки времен Второй мировой войны.

Ржавые листы гофрированного железа на кровле главного цеха глухо стонали под порывами верхового ветра. Все окна бревенчатого барака, некогда служившего конторой артели, были наглухо защищены толстыми листами строительной фанеры, стянутыми длинными анкерными болтами. Поверх фанеры тянулись свежие сосновые брусья два на четыре дюйма, забитые пятидюймовыми гвоздями прямо в венцы сруба.

Дэвида выволокли наружу за капюшон куртки. Земля под ногами была скована ранним заморозком; хрустящий наст ломался под подошвами, пока двое конвоиров тащили его через заваленный гнилыми шпалами двор. У входа в барак на металлическом кронштейне висел

массивный навесной замок «Master Lock» с кодовым диском, а дверь была усилена коваными накладками из полосового железа.

Его втокнули в узкую боковую каморку без окон. Пол здесь представлял собой рас- трескавшуюся бетонную стяжку, покрытую слоем мелких древесных опилок. Из стен торчали шляпки кованых гвоздей, на которых когда-то висели мерные цепи и пыльные полотна.

— Сиди тихо, щегол, если не хочешь схлопотать вторую порцию, — бросил рослый боец с шрамом на подбородке, срезая ножом пластиковую стяжку с его запястий.

Дэвид не успел растереть онемевшие, посиневшие кисти: тяжелая дубовая дверь захлоп- нулась перед его лицом. Снаружи с лязгом упал на петли массивный стальной засов.

В помещении воцарилась абсолютная, непроглядная тьма. Воздух был ледяным, дыхание вырывалось из груди густыми клубами пара. Где-то в глубине соседней пристройки ритмично, с глухим надсадным урчанием стучал дизельный генератор, питавший проводку временного лагеря.

Спустя минуту сквозь разохшуюся бревенчатую перегородку, разделявшую каморку и центральное помещение конторы, донесся звук волочимых по полу ножек мебели. Раздался резкий щелчок разрезаемого упаковочного скотча, за которым последовал сдавленный судорожный вдох.

— Где он?! Что вы с ним сделали?! — голос Марты сорвался на визг, полный ужаса.

Она была там, всего в нескольких футах за стеной из вековых бревен.

Дэвид бросился вперед, нащупывая в темноте доски двери. Плечо врезалось в массивное дерево с глухим стуком, отзывавшимся острой болью в ушибленных ребрах. Засов даже не шелохнулся.

— Марта! Я здесь! — закричал он, сдирая кожу на костяшках о неструганную поверх- ность плаха. — Не слушай их! Ничего не подписывай!

— Заткнись, мразь! — донеслось из-за перегородки.

Дверь каморки распахнулась так внезапно, что Дэвид вывалился вперед. Луч мощного пятибатарейного фонаря ударил прямо в зрачки, заставляя его зажмуриться от боли. В следу- ющее мгновение резиновая дубинка с размаху опустилась на его ключицу.

Боль была сухой и дробящей. Дэвид рухнул на колени, хватая ртом холодный воздух, но охранники не остановились. Двое подручных Патрика методично, без злобы или ярости, словно забивали сваи на стройплощадке, нанесли серию точных коротких ударов по почкам, бедрам и плечам, вбивая его тело в заплесневелые опилки.

— Еще один звук — и девка пойдет под пресс без подготовки, усек? — прохрипел тот, что со шрамом, наступая кованым носком ботинка на пальцы Дэвида и медленно перенося на них вес тела. Хруст суставов потонул в гуле дизеля. — Сиди и слушай, как из нее выколачивают твою дурь.

Дверь снова захлопнулась, засов с металлическим лязгом встал на место. Дэвид остался лежать на животе, не в силах пошевелиться от парализующей боли в пояснице. Кровь из раз- битой губы капала на опилки, пахнущие смолой и мышиным пометом.

За стеной наступила гнетущая тишина, прерываемая лишь судорожными всхлипами Марты.

В центре главного помещения бывшей конторы лесопилки стоял единственный дубовый стул с высокой прямой спинкой, намертво прикрученный длинными глухарями к половым дос- кам.

Марта сидела на нем, выпрямившись под неестественным, мучительным углом. Ее запя- стья были притянуты к подлокотникам десятками витков черной изоляционной ленты и широ- кими строительными стяжками так туго, что пальцы потеряли чувствительность и приобрели восковой, мертвенный оттенок. Лодыжки намертво фиксировались у ножек стула плотня- ными ремнями от такелажных растяжек. Живот под фланелевым сарафаном сковывала широ-

кая брезентовая лента, удерживавшая корпус в вертикальном положении и не позволявшая наклониться вперед даже на дюйм.

По углам комнаты на высоких треногах для теодолитов стояли три промышленных галогеновых прожектора мощностью по полторы тысячи ватт каждый. Их матовые металлические корпуса тихо потрескивали от накала, наполняя сухое помещение запахом жженой пыли. Толстые желтые кабели от приборов змеились по полу к распределительному щитку у входа.

Шаги за спиной звучали размеренно, без спешки.

Тед Патрик вышел на середину комнаты, держа в руках толстый блокнот в коленкоровом переплете и никелированную шариковую ручку. Его темно-синий шерстяной костюм выглядел безупречно, манжеты крахмальной рубашки выглядывали из рукавов ровно на полдюйма, а шелковый галстук был заколот золотой булавкой в виде креста. Он казался чиновником федерального агентства или инспектором страховой компании, прибывшим для описи неликвидного имущества, если бы не глаза — абсолютно сухие, тяжелые, налитые свинцовым спокойствием инквизитора.

Подойдя к распределительному щитку, депрограммист повернул три тумблера подряд. Вспышка была ослепительной.

Белый, нестерпимо яркий свет ударил Марте в лицо с расстояния трех футов. Лучи галогеновых ламп пробивали опущенные веки, превращая поле зрения в пылающий багровый ад. Вместе со светом на нее обрушилась плотная, вязкая волна сухого жара: лампы грели воздух словно открытые жаровни, высушивая губы и обжигая влажную от слез кожу лица.

Марта дернулась в путах, пытаясь отвести голову, но пальцы Патрика в тонких кожаных перчатках легли ей на макушку, жестко зафиксировав затылок против центрального луча.

— Не вертись, Марта, — произнес Патрик. Голос его звучал негромко, ровно, с мягкой обволакивающей интонацией, в которой сквозила чудовищная, непрекаемая власть. — Мы здесь не для того, чтобы причинить тебе вред. Мы здесь, чтобы спасти твою бессмертную душу и жизнь ребенка, которого ты пытаешься принести в жертву сатанинскому сброду.

— Мой муж... отпустите Дэвида... — выдавила она пересохшим, сорванным горлом.

— Твоего мужа больше нет, — отрезал Патрик, отступая на шаг назад, в полумрак за световым конусом, так что она видела лишь его темный монументальный силуэт на фоне пылающих ламп. — Есть тело, захваченное чужой разрушительной программой. И есть ты — марионетка, которую дергают за нитки враги Христа и твоей семьи. Ты добровольно отдала свой разум культовой скверне. Но этот дом станет твоим чистилищем.

Он вытащил из кармана массивные карманные часы на цепочке, щелкнул крышкой и взглянул на циферблат.

— Сейчас двадцать три часа сорок минут, Марта. С этой секунды ты не спишь. Ты не закроешь глаза ни на одну минуту. Ты не сможешь прилечь, не получишь воды и не сдвинешься с этого стула, пока каждая фальшивая мысль, вложенная в твою голову отступниками, не выгорит дотла под этим светом. Мы будем говорить с тобой час за часом. День за днем. До тех пор, пока ты собственными руками не подпишешь отречение от этой грязи и не вернешься на колени перед отцом твоего мужа.

Патрик пододвинул к себе складной табурет, сел прямо перед ослепленной женщиной и положил раскрытый блокнот на колени.

— Вопрос первый, — произнес он, щелкнув кнопкой авторучки. — Кто приказал тебе разрушить семью Вэнс? Назови имя твоего наставника.

Глава 3. Триггеры Люцифера

Майкл Ларсен стряхнул ледяную крупу с воротника твидового пальто, прежде чем переступить порог промерзшего барака. Под подошвами его городских ботинок глухо хрустнула оледеневшая древесная щепка. В руках тридцатипятилетний психолог держал объемистый портфель из коричневой свиной кожи, застегнутый на два медных замка. От невысокого,

плотно сбитого человека с аккуратной профессорской бородкой и круглыми очками в роговой оправе веяло запахом университетских аудиторий и свежей типографской краски — странный, неуместный контраст с сырым могильным холодом заброшенной лесопилки.

В центре помещения, под низкими балками перекрытия, гудели лампы накаливания гудели установленные на треногах галогеновые прожекторы. Резкий белый свет заливал центральный помост, оставляя углы барака в тяжелой, плотной тени.

— Дорогу от Лайонса занесло на два фута, — произнес Ларсен, подходя к длинному верстаку, заваленному инструментами. Голос звучал негромко, размеренно, с отчетливыми интонациями академического лектора. — Метель усиливается. Если мы не закончим формализацию протоколов сегодня, спуститься на равнину получится разве что на армейском тягаче.

Тед Патрик даже не обернулся. Стоя спиной к вошедшему, депрограммист методично затягивал широкий брезентовый ремень на уровне груди Марты, проверяя натяжение короткими, жесткими рывками.

— Мы закончим, Майкл, — Патрик выпрямился, оправил лацканы синего шерстяного пиджака. Ни капли пота на темном тяжелом лице, ни малейших следов усталости, несмотря на третьи сутки непрерывной работы. — Пациентка уже вошла в фазу податливости. Защитные барьеры истощены. Ее реакции замедлились до нужного порога.

На прикрученном к настилу дубовом стуле сидела Марта. Шел семидесятый час без сна.

Свет прожекторов превратил ее лицо в желтовато-серую маску с провалившимися глазами. Веки, вспухшие и налитые багровой сеткой лопнувших капилляров, непрерывно подрагивали; пересохшие до кровавых трещин губы судорожно втягивали раскаленный, пропахший жженой пылью воздух. Реальность для нее давно распалась на рваные, не связанные между собой вспышки. Время текло густыми толчками: ей чудилось, что пол уходит из-под ног, превращаясь в зыбкую ледяную воду, а голоса мужчин доносились сквозь толщу тяжелого войлока. Низ живота болезненно напрягался, а каждое глубокое дыхание отзывалось тупой, тянущей болью в пояснице. Марта боялась за ребенка, но уже не могла понять, насколько опасно ее состояние.

Ларсен щелкнул замками портфеля. На грязные, промасленные доски верстака легли ровные стопки тонкой бумаги голубоватого оттенка. На титульном листе красовалась четкая типографская шапка: «*American Family Foundation. Специальная исследовательская группа по деструктивным культам и скрытым травмам*». Ниже следовал заголовок, набранный строгим академическим шрифтом: «*Ritual Abuse Behavioral Checklist: Методический формуляр фиксации оккультной индоктринации и признаков систематического насилия*».

— Комитет в Бостоне утвердил окончательную редакцию опросника, — Ларсен аккуратно расправил страницы ладонью, поправляя очки. — Нам больше нельзя ограничиваться общими формулировками о психологическом давлении. Адвокат требует хотя бы документального обоснования наших выводов. В анкете сорок восемь пунктов: расстройства пищевого поведения, ночные кошмары, внезапная смена гардероба, интерес к альтернативной медицине и, главное, амнезия на ранние эпизоды вовлечения. Если субъект отрицает участие в ритуалах, мы фиксируем диссоциативное расщепление. Защитный механизм психики, блокирующий невыносимый опыт.

Патрик коротко усмехнулся, глядя на бумаги с нескрываемым презрением полевого практика к штабным канцеляристам:

— Судьям нужны не ваши графики, Майкл, а признание, скрепленное подписью. Когда девка сама напишет, что поила младенцев кровью на черных мессах, ни один либеральный законник в Денвере не посмеет вернуть ей ребенка. Бумажки создают видимость науки. Дело делаем мы.

— Одно невозможно без другого, Тед, — мягко, но настойчиво возразил Ларсен, доставая из кармана массивную золотую перьевую ручку. — Без клинической базы ваши действия

квалифицируются федеральным кодексом как похищение человека второй степени. С нашим формуляром это называется экстренным купированием индуцированного психоза в интересах семьи. Мы создаем прецедент, на который завтра будут ссылаться эксперты в каждом окружном суде Америки.

В дверном проеме, отделявшем барак от темноты неотапливаемого цеха, возникла высокая фигура. Артур Вэнс не входил в круг света, оставаясь на границе полумрака. На плечи строительного подрядчика было накинуто темное пальто; в руках он держал Библию с вырезанным Новым Заветом. Пальцы Артура судорожно перебирали шершавые края обрезанных листов, а губы непрерывно шевелились в беззвучном, яростном бормотании. Он читал тридцать шестой псалом — стихи об истреблении нечестивых, чьи мечи пронзят их собственные сердца.

— Начнем с материальных носителей, — Патрик кивнул двум рослым охранникам, стоявшим у ворот. — Несите коробки из их спальни.

Два тяжелых фанерных ящика с грохотом опустились перед стулом Марты.

Охранники сбили крышки фомками, обнажив аккуратно сложенные вещи: стопки женского белья, шерстяные кофты, перевязанные бечевкой папки с университетскими лекциями и коробки из-под обуви, набитые пластинками. В нос ударил слабый, ускользающий запах лаванды и домашнего мыла — запах прежней, разрушенной жизни в Боулдере, от которого у Марты мучительно перехватило горло.

Патрик опустился на колено перед ящиком, запустив руки в глубь вещей, словно копался в мусорном баке.

Первым на доски настила полетел новенький, пахнущий типографским клеем том в яркой глянцевой суперобложке — роман Стивена Кинга «Сияние», купленный Дэвидом неделю назад на ярмарке. Депрограммист поднял книгу двумя пальцами, обложку озарил свет ламп: силуэт старого горного отеля на фоне багровых снегов.

— Стивен Кинг, — произнес Патрик, медленно растягивая гласные. В его хриплом барионе зазвенела наглая, уверенная ненависть. — Знаменитый писатель для обывателей. Но для тех, кто понимает структуру культа, это инструкция по расшатыванию рассудка. Изолированное здание в горах. Безумие отца. Жертвоприношение собственного дитя. Ты держала это у изголовья кровати, Марта. Это не литература. Это пусковой механизм. Закодированный сигнал для разрушения христианского послушания.

Марта попыталась приподнять отяжелевшую голову. Шея казалась отлитой из свинца:

— Это... просто книга... Дэвид читал ее... по вечерам...

— Дэвид выполнял команды, которые ты вложила в его уши! — рявкнул Патрик, швыряя книгу на пол. Сапог сорок пятого размера опустился на глянцевую обложку, с мерзким хрустом ломая картонный переплет.

Следом из ящика показался квадратный конверт плотного картона. Черный дым, изрыгаемый трубами электростанции Баттерси, и надувная свинья, парящая между чугунными опорами над мрачными кирпичными фасадами Лондона. Пластинка Pink Floyd «Animals».

Патрик с силой выдернул виниловый диск из бумажного конверта. Черный диск блеснул в лучах галогена тончайшими микробороздками.

— Свиньи, собаки, овцы, — Патрик приблизил пластинку к лицу женщины так близко, что она почувствовала запах антистатической смазки. — Превращение людей в бессловесный скот. Антихристова проповедь, записанная на обратных дорожках с помощью реверсивного фазирования. Мне достаточно пяти минут прослушивания этой грязи, чтобы понять, в какую ложу вас вели кукловоды. Люциферианский триггер первой категории.

Лангони тем временем методично заполнял графы формуляра, не поднимая глаз от листа:

— Фиксирую: систематическое воздействие аудиовизуальных индукторов деструктивного характера. Наличие материалов, провоцирующих разрыв семейных связей и отчуждение от традиционных религиозных институтов. Номер дела — 78/О-Вэнс.

В ящике оставались рукописи. Патрик вытащил толстую общую тетрадь в сером ледерине — конспекты Марты по античной натурфилософии из университета Колорадо. Тетрадные страницы были исписаны ее быстрым, круглым почерком: цитаты из Гераклита о вечном огне, отрывки из даосских трактатов о Пути и покое, схемы круговорота элементов.

— А вот и доктринальная база, — депрограммист перелистал страницы, брезгливо кривя губы. — «Все течет, все меняется, добро и зло суть одно». Отрицание абсолютной истины Господа. Языческая мерзость, замаскированная под университетский курс. Именно этой отравой ты пичкала мальчика Артура, пока он не забыл отцовский дом!

Патрик повернулся к подручным:

— Бочку сюда. Живо.

Двое охранников вкатили на середину ангара двухсотлитровую металлическую бочку изпод машинного масла с вырубленным верхним дном. На обожженных боках емкости виднелись бурые потеки нагара и старой копоти.

Пластинка Pink Floyd треснула в руках Патрика с сухим винтовочным щелчком. Крупные черные осколки винила посыпались на дно бочки. Следом полетели разорванные пополам тетради с конспектами, брошюры по органическому земледелию и страницы романа Кинга, выданные из переплета целыми пачками.

Охранник плеснул внутрь из жестяной канистры добрых пол-литра керосина. Едкий химический дух мгновенно перебил запах тлена и сырости.

Вспышка спички осветила темные углы барака.

Пламя взметнулось с гулким утробным хлопком. Густой, смолянисто-черный дым от горящего винила ударил под стропила, клубясь тяжелыми ядовитыми пластами. Огонь жадно пожирал рукописные строки, ледериновые корочки, имена античных философов и стихи битников, превращая их в серый, хлопьевидный пепел, который кружился над жаровней в восходящих потоках раскаленного воздуха.

Марта забилась в ремнях. Слезы, мгновенно высыхая на обожженных щеках, чертили белые полосы по серой пыли:

— Прекратите... Зачем вы... Это же просто мои лекции... Мои книги...

Патрик шагнул к бочке, взял со стола толстую кочергу и с силой перемешал горящую массу. Вверх взметнулся сноп ослепительных искр.

— Мы сжигаем твои поводыя, Марта! — гремел он сквозь треск огня. — Каждый этот листок держал твою душу на привязи у преисподней! Когда исчезнет последний триггер, в твоей башке останется только пустота. И в эту пустоту мы вернем слово Божье и власть твоего свекра!

Артур Вэнс у входа подался вперед. В колеблющихся отблесках костра его лицо казалось высеченным из темного песчаника. В глазах строителя не было колебаний — лишь фанатичное, исступленное торжество ветхозаветного жреца, наблюдающего за сожжением идолов на языческом холме.

— Аминь, — глухо проговорил Артур, сжимая в руке изувеченный переплет. — Да расточатся враги Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешники от лица Божия.

Пламя начало опадать, оставляя в бочке слой раскаленных докрасна углей и обугленные скелеты переплетов.

Лангони пододвинул складной стул вплотную к помосту, сел прямо напротив Марты и положил опросник на колени. Его манера поведения разительно отличалась от исступле-

ния Патрика: психиатр говорил тихим, вкрадчивым, почти сострадательным тоном, в котором сквозила чудовищная, обволакивающая фальшь.

— Посмотрите на меня, Марта, — мягко произнес он, слегка наклоня корпус вперед. — Не на огонь. На меня.

Она с трудом сфокусировала взгляд на роговой оправе очков. Стекла двоились, вокруг головы Лангони плыли радужные круги — верный признак начинающегося токсического психоза от длительного бодрствования.

— Вы очень устали, правда? — продолжал он, и его голос звучал как монотонный плеск сонной воды. — Ваше тело ломит. В висках стучит. Вы не понимаете, где находитесь. Вы думаете, что эта боль — результат наших действий. Но медицина говорит об ином, Марта. Ваше нынешнее состояние — это не бессонница. Это соматический отклик на пробуждение вытесненного ужаса.

— Я... я просто хочу спать... — прошептала она пересохшими, негнущимися губами. — Дэвид... где мой муж...

— Дэвид находится в таком же трансе, как и вы, — Лангони сокрушенно покачал головой, чиркнув пером по одной из граф. — Вы зовете его, потому что ваш общий культовый опыт связал вас ложной связкой вины. Скажите, Марта... когда вам было шесть лет, вас водили в подвал дома на окраине Пуэбло? Вспомните. Там был длинный стол, свечи из черного сала и мужчины в балахонах.

— Нет... — Марта мотнула головой, пытаясь отогнать вязкое наваждение. — Мы жили... жили на ферме... у бабушки... Там не было никаких подвалов...

— Вы блокируете это воспоминание, — настойчиво нажимал Лангони, повышая голос ровно настолько, чтобы не сорваться на крик. — Психика ребенка не может вынести осознания ритуального совокупления с демоническими сущностями. Вы забыли это, чтобы выжить. Но культ нашел вас снова через литературу, через эту музыку, через брак с Дэвидом. Ваша беременность — это не плод любви, Марта. Культ заставил вас зачать этого ребенка, чтобы принести его в жертву на зимнее солнцестояние.

— Ложь! — вскрикнула она, собирая последние крохи угасающего сознания. — Это ребенок Дэвида! Мы любим друг друга! Мы уехали от них, чтобы жить нормально!

Патрик внезапно шагнул из-за спинки стула, схватил Марту за волосы на макушке и с силой запрокинул ее голову назад. Кожа на шее натянулась до предела.

— Хватит врать, шлюха! — прорычал он прямо ей в лицо. Слюна депрограммиста брызнула ей на лоб. — Ты знаешь правду! Твой отец отдавал тебя жрецам, а теперь ты отдаешь сына Артура в ту же мясорубку! Ты подпишешь протокол, или мы оставим тебя на этом стуле до тех пор, пока твой зародыш не сдохнет от голода прямо в твоей утробе!

— Тед, осторожнее с физическим давлением, — предостерегающе бросил Лангони, хотя в его тоне не было возмущения — лишь сухое напоминание о юридической чистоте процедуры. — У пациентки развивается реактивный психомоторный криз.

Из каморки за перегородкой донесся глухой, отчаянный стук. Дэвид снова колотил плечом в дубовый засов, выкрикивая имя жены, пока серия тяжелых ударов охранников не оборвала его крик глухим, захлебывающимся стоном.

Звук падения мужа на опилки стал для Марты последней каплей. Рассудок сдал. Барьер, удерживавший ее личность в пространстве здравого смысла последние трое суток, с треском рухнул. Перед внутренним взором закружились чудовищные химеры: черные мессы, подвалы, окровавленные ножи, образы из проповедей свекра и разорванные страницы сожженного романа, сплавленные воспаленным мозгом в единый кошмар наяву. Граница между реальностью и внушаемым бредом стерлась без остатка.

Лангони уловил этот перелом мгновенно, с точностью опытного вивисектора.

Он положил перед Мартой на приставной столик плотный лист белой гербовой бумаги — машинописный текст, заготовленный заранее в денверском офисе.

«Я, Марта Эллен Вэнс (в девичестве Миллер), находясь в здравом уме и твердой памяти, добровольно заявляю о том, что с 1974 года состояла в тайной оккультной организации, практикующей ритуальное насилие, манипуляцию сознанием и систематическое разрушение института семьи. Настоящим признаю, что брак с Дэвидом Вэнсом был заключен по прямому указанию руководства культа с целью отчуждения родового имущества семьи Вэнс и последующего ритуального посвящения ожидаемого ребенка. Осознавая глубину своего падения и необратимый вред, причиненный моим близким, заявляю о добровольном выходе из культа и передаю право опеки над собой и будущим ребенком отцу моего супруга, Артуру Вэнсу, чьи действия признаю единственно законным актом христианского спасения...»

Патрик разжал пальцы на ее волосах, опустив ее голову, и сунул в сведенные судорогой, онемевшие пальцы правой руки золотую перьевую ручку Лангони. Перо царапнуло по бумаге, оставив кривую чернильную кляксу.

— Подписывай, — Артур Вэнс впервые шагнул из тени в круг света. Его тяжелая, заскользящая ладонь легла поверх плеча женщины, вдавливая ее в спинку стула всей тяжестью стропительного авторитета. — Подпиши, Марта. Ради спасения души. Ради того, чтобы этот ад прекратился.

Она больше не сопротивлялась. Пальцы двигались механически, словно принадлежали чужому, мертвому телу. Перо скрипело, выводя неровные, прыгающие буквы: «Марта Э. Вэнс». Чернила растекались по пористой бумаге, запечатывая приговор ее свободе, ее браку и ребенку под ее сердцем.

Лангони аккуратно поднял лист за уголок, подул на влажную строчку подписи и вложил признание в синюю картонную папку с гербом Американского семейного фонда. Щелкнули медные замки кожаного портфеля. Дело было открыто.

Глава 4. Палата в Ороре

На картонной карточке истории болезни, вставленной в латунный карман на белой эмалированной двери, ровным канцелярским почерком значилось: «Вэнс, Марта Э. Наблюдение закрытого типа. Доступ строго ограничен».

Палата номер двенадцать напоминала помещение, в котором годами ничего не менялось. Сероватая штукатурка местами пошла трещинами, на узкой металлической кровати лежало жесткое казенное одеяло из синтетической шерсти. Ни карнизов, ни штор на единственном узком окне не было; толстый стеклоблок с проволочной сеткой внутри выходил в глухой бетонированный колодец внутреннего двора клиники «Орора-Хиллз». Свет за окном казался серым, стылым, словно процеженным сквозь мокрый картон.

Эллен Брэдли опустила металлическую мензурку на прикроватную тумбу. Пальцы медсестры в резиновых перчатках слегка подрагивали, когда она расправляла край простыни. Дежурство в цокольном спецблоке частной лечебницы в пригороде Денвера всегда требовало молчания, но поступившая в три часа ночи пациентка не укладывалась в привычный распорядок клиники.

На койке с высокими трубчатыми боковинами лежала молодая женщина. Ее запястья, испещренные багровыми полосами от тугих пластиковых стяжек и следами глубоких ссадин, покрывала прозрачная заживляющая мазь. Под правым глазом темнел плотный синяк цвета перезревшей сливы, а на левом виске запеклась тонкая полоска крови, перемешанная с древесной пылью. Живот Марты, округлившийся на пятом месяце беременности, напряженно вздымался под грубой фланелевой сорочкой. Женщина тяжело, хрипло дышала через приоткрытый рот; пересохшие губы потрескались до сукровицы, а веки непрерывно вздрагивали, словно глазные яблоки под ними продолжали следить за бешеным мельканием слепящих лучей.

Холодный раструб акушерского стетоскопа Пинара коснулся обнаженной кожи живота. Эллен прижала ухо к деревянной трубке, замерев на полминуты. Глухой, частый перестук маленького сердца отозвался в виске: сто сорок пять ударов в минуту. Плод был жив, но тахикардия матери передавалась ему с пугающей отчетливостью.

— Пульс частый, температура тридцать семь и четыре, — прошептала Эллен, делая пометку в сестринском блокноте. — Обезвоживание второй степени.

В дверном проеме раздался сухой щелчок английского замка.

Шаги двух человек по полимерному полу прозвучали одновременно: тяжелая, размеренная поступь мужчины и drobный, быстрый шаг женщины на невысоких каблуках.

Доктор Луис Джолион Уэрст вошел в палату без белого халата. Руководитель института нейропсихиатрии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе предпочитал строгие серые костюмы из тонкой английской шерсти и узкие шелковые галстуки цвета вороненой стали. Его высокий лоб, резкие скулы и массивный подбородок придавали лицу сходство со скульптурным портретом пуританского судьи, а холодные, серые глаза за стеклами строгих очков в золотой оправе смотрели на окружающий мир с абсолютной, почти физиологической невозмутимостью исследователя.

Следом за ним переступила порог Маргарет Зингер. В свои пятьдесят семь лет известный клинический психолог из Беркли держалась с подчеркнуто домашней, почти учительской мягкостью. Бежевый вязаный кардиган поверх шерстяной юбки, короткая стрижка с легкой проседью и пухлая папка с разделителями под мышкой создавали образ заботливой наставницы, готовой выслушать любые детские обиды.

— Сестра Брэдли, оставьте записи на столе, — произнес Уэрст. Голос психиатра звучал глубоко, с легкой хрипотцой человека, выкуривающего по две пачки «Лаки Страйк» в сутки. — Карту передачи смены подписал главный врач. С этой минуты пациентка находится под прямым контролем нашей исследовательской группы. Никаких назначений со стороны штатного персонала. Любые процедуры — только по моему письменному распоряжению.

Эллен выпрямилась, машинально прижимая к груди металлический планшет:

— Доктор Уэрст, женщина беременна. У нее на предплечьях глубокие гематомы, следы физического связывания и выраженный делириозный синдром от длительной бессонницы. Ей необходимы капельницы с физраствором, покой и консультация акушера из окружного госпиталя. Если начнется отслойка плаценты...

— Диагноз пациентки уже установлен коллегией специалистов, — перебил ее Уэрст, даже не повернув головы в сторону медсестры. Он подошел к кровати, взял Марту за подбородок двумя пальцами и слегка приподнял ее лицо, оценивая реакцию зрачков на рассеянный дневной свет. — Острый индуцированный диссоциативный психоз с параноидными включениями. Пациентка стала жертвой деструктивного психологического подчинения. Ее соматические симптомы — результат глубокой токсической индоктринации и психомоторного истощения, вызванного изоляцией в асоциальной среде. Все травмы нанесены ею самой во время приступов агрессии при попытке родственников оказать ей помощь.

— Но следы на руках... — начала было Эллен, чувствуя, как внутри закипает протест.

— Сестра Брэдли, — в разговор вступила Маргарет Зингер. Ее интонации были теплыми, округлыми, полными бархатного увещевания. — Мы понимаем ваше сострадание. Но в работе с поврежденной памятью неопытный взгляд часто принимает защитные меры семьи за насилие. Родные этой несчастной девочки пошли на огромные жертвы, чтобы вырвать ее из рук фанатиков. То, что вы видите, — это не следы нападения. Это следы отчаянной борьбы за ее спасение. Пожалуйста, подготовьте штатив для внутривенного вливания и ампулу амитала натрия из сейфа специального учета. Пятьсот миллиграммов.

Эллен замерла. В горле пересохло:

— Амитал натрия? Беременной женщине при таком истощении? Это же барбитурат короткого действия, он проникает через плацентарный барьер...

— Дозировка рассчитана с ювелирной точностью, — отрезал Уэрст, открывая хромированный чемоданчик, стоявший на столике для медикаментов. Внутри чемодана лежали ровные ряды запечатанных флаконов, одноразовые шприцы с длинными иглами и портативный кассетный диктофон Sony с выносным микрофоном на гибкой ножке. — Нам необходимо снять защитный корсет кататонического ступора. В противном случае ее бредовые проекции приведут к необратимому распаду когнитивных функций. Выполняйте распоряжение, сестра. Или освободите палату.

Взгляд Уэрста был тяжелым, давящим, не допускающим возражений. В закрытых программах фонда изучения человеческого поведения, щедро финансируемых через частные эндаументы и правительственные контракты по исследованию когнитивного контроля, такие люди, как Уэрст, чувствовали себя абсолютными полководцами. Для него эта истощенная женщина была не пациенткой городской больницы, а единицей исследовательского протокола, начатого четверть века назад на военных базах в Оклахоме.

Эллен опустила глаза. Сглотнув ком в горле, она повернулась к настенному сейфу.

Через пять минут прозрачный раствор барбитурата заполнил двадцатикубовый стеклянный шприц. Игла вошла в локтевую вену Марты с третьей попытки — стенки сосудов спаялись от обезвоживания. Тонкая прозрачная трубка капельницы протянулась от штатива к руке женщины, закрепленной на специальном деревянном лонгете.

— Прекрасно, — Уэрст взглянул на секундную стрелку наручных часов. — Скорость введения — полтора миллилитра в минуту. Нам нужен поверхностный сумеречный уровень. Мышцы должны расслабиться, речевой барьер — размягчиться, но сознание обязано удерживать нить контакта.

Зингер пододвинула круглый табурет вплотную к изголовью койки, положила блокнот на колени и щелкнула клавишей диктофона. Красный огонек индикатора вспыхнул на черном пластиковом корпусе, как крошечный глаз.

Препарат подействовал стремительно.

Дыхание Марты выровнялось, стало глубже и реже. Напряжение, сводившее мышцы ее шеи последние трое суток, внезапно опало. Веки дрогнули и медленно приоткрылись, обнажая мутные, расфокусированные зрачки. Потолок поплыл перед ее взором серыми маслянистыми кругами; звуки капельницы, гул вентилятора и мерное потрескивание пленки в диктофоне сплелись в вязкую, густую патоку. Тело налилось свинцовой тяжестью, словно ее погрузили на дно глубокого теплого озера, где исчезали боль, холод и страх.

— Марта, милая, — голос Маргарет Зингер зазвучал прямо над ее ухом, тихий, убаюкивающий, проникающий в самые потаенные уголки затуманенного разума. — Вы слышите меня? Вы в безопасности. Здесь только друзья. Люди, которые хотят вернуть вас домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.